

М.А. Наземцева

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СВОБОДЫ В КОНСТИТУЦИИ КАК ЯДЕРНОМ ЖАНРЕ ДИСКУРСА ПРАВОВОГО ДОКУМЕНТА

Выявлена специфика реализации концепта *свобода* в Конституции как ядерном жанре дискурса правового документа в сравнении с его общекультурным содержанием. Обнаружено, что в соответствии с дискурсивной спецификой его понятийная структура усложняется: бинарное противопоставление свободы несвободе интерпретируется как перечень разрешений, долженствований и запретов. Жанровая специфика Конституции определяет приоритет разрешительных высказываний, исследуемый концепт реализуется при использовании пафоса.

Ключевые слова: концепт *свобода*; русская языковая картина мира; дискурс правового документа; жанр Конституции; диктум и модус дискурса.

Содержание концепта *свобода*, реализованного в русской языковой картине мира, достаточно широко исследовано. *Свобода*, по мнению целого ряда ученых-лингвистов, является одним из **ключевых концептов** русской языковой картины мира [1–11 и др.]. Концепт получил описание также в философских исследованиях [12, 13 и др.]. Лингвистический анализ его содержания, реализованного лексемами *свобода* и *воля*, проведенный на материале словарных дефиниций, экспериментальных данных, русских поговорок и художественных текстов, отражает бинарность этого содержания – свобода не существует без несвободы и наоборот. Концепт, репрезентирующий отношение к свободе, существует во взаимодействии своих двух полюсов – *свободы* и *несвободы* [3, 6, 9 и др.].

Исследователи указывают на то, что свобода в русской лингвокультуре означает отсутствие ограничений, которое связывается с получением положительных эмоций и включает ощущения легкости, непринужденности, комфорта и счастья, возникающие при освобождении от ограничений какого бы то ни было рода [4, 9, 10]. В связи с этим особо подчеркивается связь свободы с позитивнооценочным полюсом в интерпретации мира: «...оценочный ореол свободы <...> довольно устойчив. Это слово редко входит в негативные контексты» [14. С. 75].

При этом свобода предполагает наличие определенного, хоть и не жесткого, но порядка [3. С. 486]: истинная свобода связана с ограничениями и уважением к другому, а псевдосвобода уподобляется воле [15. С. 14]. Излишняя свобода вызывает негативное оценивание субъектов свободы, отклоняющихся от групповых норм [9. С. 12].

Методологическим основанием для работы является положение о «реализации в дискурсе особой – дискурсивной – картины мира, отражающей специфику реализации национально-культурного концепта в ее дискурсивной динамике» [16. С. 24]: общекультурные концепты, воплощаясь в дискурсивно-жанровом пространстве, трансформируются. На их конфигурацию влияют дискурсивно-жанровые цели, которые особым образом адаптируют их содержание, придают им особый дискурсивный статус.

Рассматриваемая специфика общекультурных концептов интерпретируется как результат дискурсивной обработки их содержания, включающей отбор

составляющих их понятийного компонента и ценностную ориентацию этих составляющих. Используя логику, представленную в работе И.В. Тубаловой [17], мы характеризуем дискурсивно обусловленное содержание концепта как результат его встраивания в модусно-диктумную структуру содержания дискурса [Там же. С. 99]: «В содержании дискурса представляется возможным <...> выделить объективно-фактологический компонент – дискурсивный диктум – и интенционально обусловленную позицию дискурса по отношению к нему – дискурсивный модус» [Там же. С. 100]. Данная логика предполагает переосмысление разработанных в рамках семантического синтаксиса терминов «диктум» и «модус» как составляющих коммуникативной структуры предложения, заданных в концепциях Ш. Балли [18], В.В. Виноградова [19] и получивших подробную разработку в работах современных ученых (Т.В. Шмелевой, Е.В. Падучевой и др.).

Интерпретируя понятие «модус» применительно к высказыванию, Т.В. Шмелева отмечает, что «в модусе проявляется субъективность “в интересах говорящего”: отношения и оценки говорящего, основанием для которых служат положение автора относительно описываемых событий, его представления о достоверности той или иной информации, его “система ценностей” событий и т.п.» [20. С. 81]. В работе И.В. Тубаловой понятие «модус дискурса» используется на основании данной логики, но в другом значении: «В нем выражается социально заданная специфика дискурсивного поведения субъекта, участвующего в дискурсивных практиках, вступление в которые вынуждает его транслировать оценки и ценности с учетом “дискурсивной власти” [21]. В связи с этим понятие «дискурсивный модус» соответствует понятию «модус высказывания / предложения» в аспекте (1) его участия в выражении интенциональности, (2) противопоставленности его интерпретационного смысла объективно-фактологическому. Но данные понятия кардинально расходятся в аспекте субъекта этой интенциональности: по отношению к конкретному говорящему модус дискурса является социально объективированным, «рамочным» смыслом, который он вынужден учитывать при реализации собственной частной цели [17. С. 100–101]. Таким образом, формирование дискурсивного модусного смысла опреде-

ляется не интенцией говорящего субъекта, а социально заданным типом дискурсивного осмысления действительности, в данном случае – его осмысления, заданного в дискурсе социального института права.

В соответствии с этой логикой дискурсивная картина мира формируется при отборе особых концептов и их особой интерпретации, в основе которой – цель дискурса и система транслируемых дискурсом ценностей. Так, диктумное содержание дискурса документа не востребует, например, концепт *любовь*, а концепт *свобода* реализует в нем не весь спектр своего общекультурного содержания. При этом выбранное для дискурсивного представления понятийное содержание (как составляющая дискурсивного диктума) ценностно ориентируется на основании особых модусов данного дискурса.

Объектом исследования является текст Конституции РФ как продукт жанровой реализации правового дискурса, а предметом – специфика представления в нем концепта *свобода*.

В лингвистических работах уже были получены некоторые результаты анализа исследуемого концепта в Конституции. Национально-культурная специфика его правового содержания, реализованного рус. *свобода*, англ. *freedom* и лат. *libertas*, отмечена в работе А. Вежбицкой [4]. Помимо этого, проведен сопоставительный анализ данного концепта на материале русской, английской и французской Конституций [22]. Выявлено, что *юридическая свобода* – это «правовая возможность определенного поведения человека, в обязанности которого входит воздерживаться от совершения каких-либо действий, нарушающих свободу других лиц» [Там же. С. 14].

В данном исследовании Конституция рассматривается как **ядерный жанр** дискурса правового документа, что определяет специфику реализации рассматриваемого концепта.

Лингвистические исследования правового дискурса немногочисленны [23–27 и др.]. Лингвистический анализ текста Конституции в ряде работ такого типа занимает особое место [28–38]. В частности, рассматривается динамика языка права на основе текстов советских Конституций 1918 и 1936 гг. [34], риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России [35], проводится диахронический анализ структурно-содержательных особенностей текстов Конституций Германии [36]. Синхронно-сопоставительный аспект представлен сравнительным анализом переводов Конституции Российской Федерации на английский язык [37], а также жанрово-стилистической специфики текста Конституции США и ее перевода на русский язык [38].

Его философский и культурологический анализ представлен более развернуто в [39 и др.]. Подробный анализ правового дискурса *с позиций юриспруденции* встречается в работах Н.Г. Храмцовой [40–49].

Цель статьи – выявить специфику реализации концепта *свобода*, заданную модусно-диктумной организацией правового дискурса и спецификой Конституции как его ядерного жанра.

Для ее выявления рассмотрим особенности **дискурса правового документа** (входящего в **правовой**

дискурс), в рамках которого Конституция выступает как ядерный жанр, а также специфику дискурсивно-жанрового представления исследуемого концепта в Конституции.

Правовой дискурс – по его базовой цели – Н.Г. Храмцова определяет как особый тип социокоммуникативного взаимодействия, реализуемый в ситуации институционального общения, подчиненного интенции государственно-правового регулирования [49. С. 69, 99, 164].

По каналу связи правовой дискурс делится на письменный и устный [Там же. С. 182–183].

Конституция включается в состав письменных форм его реализации – **правовых документов**. Под документом понимается «письменный текст, исходящий из инстанций и от имени лиц, наделенных особыми полномочиями, выполняющий регулятивную функцию, содержащий общественно значимую информацию и оформленный в установленном порядке» [50. С. 142–143].

Конституция является регулятором права, выступая как ядерный правовой документ (основной закон).

Целью правового дискурса является государственно-правовое регулирование [49. С. 120, 125]. В Конституции как правовом документе, в силу его официального ядерного статуса, данная цель получает наиболее последовательную реализацию, что отражается в отборе правового диктума и его модусной интерпретации.

В результате такого отбора в правовом документе подлежат интерпретации только те содержательные компоненты, которые отражают объекты и способы правового регулирования; дискурс накладывает запрет на содержательные компоненты, такому регулированию не поддающиеся (*дружба, счастье, горе, обида* и под.). При этом концепт *свобода* в правовом документе реализуется крайне активно, но приобретает особую модусную конфигурацию.

Дискурсивная интерпретация правового диктума осуществляется на основании особого дискурсивного модуса, фиксирующего ценностные установки права (его идеалы).

Основанием активности идеологического ценностного компонента Конституции является наличие **этического основания права**, что подчеркивается в исследованиях по философии права. Так, С.И. Максимов отмечает, что детерминантой права является морально-идеальная составляющая, которая определяется intersubъективным отношением одного человека к другому [51. С. 44–45]. В связи с этим в Конституции реализуется дискурсивно обусловленный **модус этической оценки** – как типовая ценностная установка правового дискурса, ориентирующая все объекты правового представления как соответствующие / не соответствующие морально-этическим нормам. Влияние этического основания права на специфику организации содержания правового дискурса подтверждается, например, в исследовании Ю.В. Ильина и И.Ю. Смирновой, сдевавшим вывод о том, что домен суда и права появился в результате развития бытовых (т.е. жизненно важных,

бытийных) понятий хороший / добрый и плохой / злой, которые находятся в отношениях оппозиции» [52. С. 67].

Дискурсивная обработка этических ценностей конкретизирует их и представляет в виде перечня законодательно закрепленных возможностей обыденного человека (получающего в дискурсе статус *гражданина*) и государства. Интерпретируемые указанным образом этические ценности становятся основанием правовой оценки, закрепляемой в установлении стандартизованных реакций на их нарушение (наказаний). В связи с этим в правовом дискурсе в качестве базового можно выделить **модус правовой оценки**, являющийся результатом дискурсивного переосмысления этической оценки, значимой для интерпретации свободы как общекультурного концепта.

В дискурсе правового документа его материализация, закрепленная в стабильных текстовых формах, обнаруживает действие модусов дискурса документа, с которым правовой дискурс взаимодействует на уровне целей.

Базовый модус дискурса документа И.В. Тубалова определяет как **модус официальности** [17. С. 240]. На этом основании модус дискурса правового документа определим как **модус официальной правовой оценки** – типовой ценностной установки правового дискурса, представляющей все объекты правового представления как обязательные для гражданина в силу их законодательной закреплённости. Письменная форма и социальный статус правового документа выступают при этом как формы его реализации. Таким образом, в дискурсе правового документа происходит официальная правовая обработка и письменная фиксация этико-моральных принципов, и в результате они предъявляются клиентам дискурса (термин, используемый В.И. Карасиком и другими для номинирования статусно-ролевой позиции субъекта институционального дискурса [53 и др.]) как обязательные к исполнению.

Дискурсообразующий статус *свободы* – как этически обоснованный культурой и дискурсивно обработанный концепт – основывается на том, что «ключевым принципом законотворческой деятельности является признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина» [49. С. 100]: *Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства* (здесь и далее цитаты из Конституции РФ [54] даны курсивом). В тексте Конституции это проявляется в том, что само их построение представляет собой перечень разрешенных законом действий гражданина и государства (*прав и свобод*), запретов на совершение запрещенных законом действий (*ограничивающих права и свободы*) и необходимых с точки зрения закона действий (*обязанностей*).

Результат дискурсивного конфигурирования концепта *свобода*, вербализующийся в описаниях ограниченных законом и разрешенных им видов активности гражданина и государства, составляет модусно ориентированный дискурсивный диктум.

Дискурсивная специфика интерпретации свободы как набора обеспеченных правом возможностей гражданина и их ограничений проявляется уже в перечне лексических репрезентантов исследуемого концепта, выстраивающих между собой особые отношения. Базовыми лексическими репрезентантами концепта *свобода* в рассматриваемых правовых документах помимо имени концепта *свобода* являются его дискурсивные синонимы – лексемы, номинирующие возможность гражданина действовать в рамках закона (*право, возможность*), а также характеризующие обеспеченный законом доступ к социальным благам (*общедоступность (образования), бесплатность (образования)* и др.), их словообразовательные корреляты (*свободный, правовой, вправе, освобождается* и под.), а также дискурсивные антонимы (*свобода – заключение, арест, заключение под стражу и содержание под стражей; свободный, добровольный – принудительный, (действующий) беспрепятственно – преследуемый* и др.). Среди указанных единиц можно выделить лексемы, реализующие дискурсивный модус официальной правовой оценки вне зависимости от специфики дискурсивного диктума, т.е. в полном соответствии с ценностным содержанием общекультурного концепта *свобода* (лексемы *право, возможность, свободный, добровольный, действующий беспрепятственно* и др. – носители ценностных смыслов общекультурного концепта *свобода*, сохраняющегося в исследуемом дискурсе), и лексемы, отражающие реализацию дискурсивного модуса официальной правовой оценки в соответствии с особенностями дискурсивного диктума, т.е. результат его дискурсивного уточнения (например, лексема *бесплатность (образования)* фиксирует одну из составляющих понятийного компонента концепта *свобода* как позитивно оцениваемый результат предоставления социального блага, лексемы и лексические словосочетания *заключение, арест, заключение под стражу и содержание под стражей* представляют «антисвободу» как результат негативно оцениваемых нарушений правовых норм и т.п.).

Специфика правового содержания проявляется и в особенностях метафорического представления свободы в исследуемом дискурсе. Например, если в бытовой / художественной коммуникации органичным является метафорическое представление свободы и как желанного объекта достижения (*стремиться к свободе, завоевать свободу* и под.), и как объекта внешних посягательств (*посягать на свободу, отобрать, отнять свободу* и под.), то в дискурсе правового документа свобода интерпретируется как исконный объект обладания гражданина (*Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения*) и поэтому метафорически реализуется только как объект ограничений. Действия, в форме которых проявляются эти ограничения, вербализуются в стандартных юридических формулах и фиксируют получающие правовую оценку ограничения свободы субъектов права со стороны других субъектов права (*уменьшать / нарушать права и свободы*). Таким образом оформляется реализуемое законом противостояние этим ограничениям (*защищать права и свободы*).

Еще один пример обнаруживает дискурсивную специфику общекультурно заданной интерпретации свободы как «освобождения от любых оков, бремени» [4. С. 236]. В правовых документах в качестве таких «оков» метафорически представлены *обязанности* гражданина, от которых его может *освободить* внешняя сила при определенных, четко зафиксированных условиях: *Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания // Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей.*

В том, что в Конституции закрепляется наличие у гражданина не только прав и свобод, но и *обязанностей*, проявляется заданная на национально-культурном уровне бинарность исследуемого концепта. При этом регулировать наличие *обязанностей* может только внешняя сила (закон).

Модус официальности дискурса правового документа конкретизируется «в модусах императивности (закон для всех обязателен) и объективности (источник императивности предьявляется как некоторая объективная инстанция)» [17. С. 316], поэтому перед законом все равны.

Итак, ценности дискурса правового документа заключаются не только в том, чтобы гражданин следовал закону (модус императивности), закрепляющему определенные правила (модус правовой оценки), но и воспринимал его как этически обоснованный (модус этической оценки) и чувствовал, что закон един для всех (модус объективности), что создает у гражданина ощущение защищенности. Эти ценности фиксируются в тексте Конституции определенным образом.

Модус объективности в дискурсе правового документа проявляется в том, что в качестве такой объективной инстанции, задающей границы свободы и гарантирующей ее в рамках установленных границ, выступает **закон**. В результате гарантии свободы у клиента дискурса создается этически значимое ощущение защищенности (акцент здесь делается на концептуализации психологического самоопределения субъекта, быть *свободным* – ощущать себя комфортно – прямая корреляция с общекультурно заданными ценностями). Закон предьявляется ему как сильная инстанция, не только контролирующая его обязанности, но и способная защитить человека от нарушения его свободы (что отсылает к этическим основаниям права).

В Конституции как документе модус объективности конкретизируется в реализации принципа равенства перед законом как этически обоснованного и выражается общими для всех документов текстовыми средствами (описанными в [17. С. 164–165]), а также специфическими (отражающими специфику дискурса). Среди общих – использование страдательных конструкций (*Гарантируется свобода массовой информации и под.*), включающих безличные формы глагола. Кроме того, в тексте Конституции как документе особого типа всеобщность закона фиксируют обобщенные номинации субъектов действий, получающих правовую оценку (*каждый, никто, гражданин, гражданин Российской Федерации*).

Отметим, что дискурсивная специфика исследуемого концепта, реализованная в таких номинациях, проявляется и в том, что правовая интерпретация свободы / «антисвободы» в одних статьях Конституции подчеркивает неограниченность ее субъекта – «закон един для всех» (*Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц; Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением*), а в других, наоборот, ограничивает его, имплицитно противопоставляя не-гражданам данного государства, на которых данные правовые возможности не распространяются (*Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование; Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия*).

Модус императивности получает в Конституции статус ведущего по отношению к процессам текстообразования, и вся логика текста правового документа выстраивается как перечень юридических норм (определяемых как «регуляторы, программирующие модели поведения, описанные в нормах запрещающих, обязывающих и управомочивающих» [45. С. 20]). Указанным правовым способом программирования моделей поведения соответствуют варианты конкретизации модуса императивности правового документа – его **разрешительный, запретительный субмодусы и субмодус долженствования**, реализуемые в соответствующих конструкциях, организованных при помощи предикатов разрешения (*может, свободен, имеет право и под.*), запрета (*запрещается, запрещен, не допускается и др.*) и долженствования (*должен, обязан и т.п.*).

Именно эти нормы интерпретируют границы свободы субъектов правового дискурса. В связи с этим концепт *свобода* в правовом документе получает четкие границы, фиксируемые предикатами разрешения, запрещения и долженствования, в чем проявляется его дискурсивно обусловленное своеобразие.

В исследуемом дискурсе в соответствии с описанными субмодусами содержание концепта приобретает более сложную организацию, уточняющую отмеченное выше соответствие общекультурно заданной бинарной организации концепта: (1) *свобода* = «разрешено» / (2) *несвобода* = (2.1) «запрещено» + (2.2) «обязан». При этом важно, что даже «разрешение» быть свободным вербализуется в императивном регистре.

Помимо этого, дискурсивная специфика концепта *свобода* проявляется в том, что условия ограничения свободы строго регламентируются и фиксируются в Конституции (*Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда; а также: В условиях чрезвычайного положения... и под.*). Кроме того, не только обязанности, но и возможности в Конституции описываются в виде строгого перечня, что грамматически поддерживается, во-первых, использованием

не только для лексемы *право*, но и для лексемы *свобода* формой множественного числа (*права и свободы*), а также частотностью реализации этих лексем в типовых конструкциях, где они выполняют функцию предиката, синтаксический актанта которого фиксирует одно из гарантированных законом «разрешений»: *право избирать и быть избранными в органы государственной власти // свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания и т.п.* Это кардинально отличается содержательную организацию правового концепта *свобода* от его общекультурного соответствия, трактуемого как «приятное отсутствие ограничений какого бы то ни было рода» [4. С. 241]. Значимым для выявления дискурсивно-жанрово обусловленной специфики рассматриваемого концепта становится утверждение А. Вежбицкой о том, что русский концепт *свобода* обладает смыслами «русский антилегализм», «пренебрежение к закону», «русский правовой нигилизм» или «глубоко укорененная традиция антиправовых предрассудков» [Там же. С. 239].

Функциональное распределение жанров дискурса правового документа зависит от их юридического статуса, определяющего их дискурсивный статус: у Конституции он выше, чем у других правовых текстов, поскольку она является основным государственным правовым документом. Жанровые интенции правового документа образуют иерархию, согласно которой Конституция занимает положение дискурсивного источника правового регулирования.

Диктум Конституции охватывает все сферы социального существования человека, подвергнутые правовой оценке. Объемность содержания Конституции компенсируется обобщенностью его описания. В соответствии с этим реализация концепта *свобода* в Конституции проявляется как перечень разрешений, запретов и долженствований, ориентированных на дальнейшую конкретизацию при их правовом использовании. Наказания за нарушения положений основного закона в Конституции не прописываются в силу обобщенности представления неправовых действий. Так, положение Конституции «*Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства*» может быть использовано в конкретной правовой деятельности только на основании вербализованного в других правовых документах перечня возможных форм такой пропаганды, позволяющего привести в соответствие с ними конкретные наказания: *Дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, совершение лицом с использованием своего служебного положения, – наказывается штрафом <...> либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью <...> либо обязательными работами <...> либо исправительными работами <...> либо принудительными работами <...> либо лишением свободы <...>* [55].

Значительный объем и низкая степень конкретности представления правового диктума определяются особым жанровым статусом Конституции. Ее основная жанровая цель заключается не в закреплении действующих правовых норм, а в презентации прав и свобод человека как их закрепленных законом оснований (*Мы, многонациональный народ Российской Федерации <...> утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*). В соответствии с целью Конституция ориентируется на широкий круг граждан – клиентов правового дискурса. Для оформления обширной адресации модус правовой оценки в Конституции сближается с модусом политической оценки (реализуемым в политическом дискурсе). В соответствии с этим дискурсивный стиль Конституции приобретает особый *пафос*, использование которого становится возможным только при отсутствии конкретики реализации дискурсивного диктума. Пафос является «качеством дискурсивного стиля» [17. С. 182] и определяется как «форма выражения повышенной эмоциональности при трансляции дискурсивно значимых смыслов, обеспечивающая усиление и особое выдвигание общего дискурсивного модуса и представляющая объект оценки как эталон (идеал или его противоположность)» [Там же]. Маркеры пафоса в их наиболее концентрированном проявлении можно проследить, например, в преамбуле к Конституции РФ: *соединенные общей судьбой на своей земле // исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость // возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России // исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями*. Пафос поддерживает этически обоснованное положение свободы как ценности.

При реализации дискурсообразующего концепта *свобода* пафос позволяет максимально активизировать связь правовой оценки с собственно этической, бытовой, основанной на законодательной защите ценностей свободного самовыражения личности (*Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование и под.*) и отсутствию внешнего давления на нее (*Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем; Оуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц и т.п.*).

В качестве источника формирования свобод – в соответствии с вышеописанными свойствами дискурса правового документа – в Конституции выступает закон. Его обобщенное (закон) и конкретизированное (федеральный закон, федеральный конституционный закон) номинирование задает восприятие модуса объективности документа, отделяя закон от государства – как одного из исполнителей его воли (*Все равны перед законом... // Смертная казнь впредь до ее отмены*

может устанавливаться федеральным законом...). Кроме того, объективированность функций закона подчеркивается обилием конструкций с нулевым субъектом, под которым закон содержательно подразумевается (*Принудительный труд запрещен* и под.).

В качестве пользователей свободы, границы которой задаются законом, в Конституции выступают (1) рядовые граждане государства; (2) внешние официальные инстанции и их представители.

Номинирование в тексте пользователей свободы представляет их как типовых рядовых граждан, таким образом, для этого используются лексемы с соответствующим обобщенным значением (*человек, лицо, личность, мужчина и женщина, гражданин РФ, граждане Российской Федерации* (мн. ч.), *иностранцы, граждане, люди, население, каждый, все, никто*): *Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность*.

Номинирование официальных инстанций (*суд, органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения, должностные лица*, а также *государство* как номинация, обобщающая содержание всех вышеперечисленных) представляет их как субъектов, не только регулирующих соблюдение закона, но и испытывающих его воздействие: *Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом*.

В Конституции, в силу ее вышеописанных свойств, особым образом устанавливается соотношение значимости субмодусов императивности при интерпретации границ свободы – разрешительного, запретительного субмодусов и субмодуса долженствования. Дискурсивно обусловленную значимость получает (1) количественное соотношение высказываний, реализующих эти субмодусы; (2) тип пользователя свободы, границы которой устанавливаются в этих высказываниях в императивном режиме; (3) содержательные составляющие концепта *свобода*, эксплицируемые при реализации каждого субмодуса.

(1) Доминирующую роль в Конституции играет **разрешительный** субмодус – такие высказывания составляют 54,45%. Это соответствует особому жанровому статусу Конституции, определяемому ее жанрово-дискурсивной целью. Основной содержательной составляющей исследуемого концепта, реализуемой в разрешительных высказываниях, является свобода как **возможность субъекта права осуществлять разрешенные законом действия**. При этом в качестве субъектов получения («пользователей») свободы в таких высказываниях выступают как граждане (*Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию // Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию // Каждый имеет право на жизнь // Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее обра-*

зование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии), так и официальные государственные органы (*Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей // Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации*), что подчеркивает их равенство перед законом.

(2) Значительно меньшую активность проявляет **запретительный** субмодус – 31,94%.

В запретительных высказываниях содержание исследуемого концепта предстает как свобода – **то, что в результате нарушения закона может быть ограничено извне**. В них особым образом реализуются позиции «обладателя» и «нарушителя» свободы. Позиция субъекта – «обладателя» свободы – в таких высказываниях имеет нереферентное выражение. Семантика лица в отдельных случаях получает выражение в форме имени, обобщенно указывающего на социальный статус гражданина (*Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц // Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности*). Но чаще позиция субъекта, свобода которого может быть ограничена извне, в запретительных высказываниях предстает как выраженная в синтаксически нулевой форме (*Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду*), что соответствует действительно дискурсивно-жанровому модусу объективности и фокусирует официальную правовую оценку на запрете действий – независимо от их субъекта. «Нарушитель» свободы в абсолютном большинстве случаев текстологически не оформляется (исключение – его вербализация в приведенном выше примере оценки нарушения прав гражданина другим гражданином) и присутствует как нулевой субъект предикатов, называющих формы нарушения (*ограничение... по признакам социальной, расовой... принадлежности; пропаганда или агитация, возбуждающие... ненависть* и под.). В качестве источника запретов выступает закон, номинации которого в рассматриваемых конструкциях также не реализуются, и его статус определяется позицией нулевого субъекта контролирующих действий, оформленных с помощью запретительных глаголов (*Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства // Цензура запрещается* и под.). Такой способ представления запретов на операции со свободой в Конституции отражает модусную установку на принципиальное равенство всех субъектов дискурса перед законом, с небольшим превалированием гражданина – как основного адресата текста Конституции.

(3) Наименее частотно реализуется субмодус **долженствования** – 13,61%.

Основными содержательными составляющими исследуемого концепта, реализуемыми в высказываниях долженствования, являются следующие.

1. Свобода – *то, что должны защищать официальные инстанции*: значение, проявляющееся в высказываниях, формулирующих обязанности государственных органов по отношению к гражданину, который выступает как пассивный субъект свободы – данного ему «от рождения» качества. Субъекты исполнения обязательств в таких высказываниях либо вербализуются (*Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом* // *Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства*), либо занимают позицию нулевого субъекта при соответствующих предикатах (*Каждому гарантируется свобода мысли и слова*). Частотность вербализации субъектов исполнения обязательств по защите свободы гражданина еще раз подчеркивает этически значимую направленность текста Конституции на формирование лояльности рядового представителя государства к закону.

2. Свобода – *отсутствие обязанностей*: значение, которое реализуется в высказываниях двух типов.

(А) Высказывания, где гражданин выступает как субъект долженствования. Совокупность таких высказываний образует перечень заданных законом ограничений (долженствований) для гражданина – «антисвободы»: *Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры* // *Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы* // *Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях* // *Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам* // *Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации*.

(Б) Высказывания, цель которых – зафиксировать условия освобождения от отдельных обязанностей (свобода – отсутствие обязанностей, допустимое при определенных заданных законом условиях). Высказывания такого типа содержательно продолжают перечень заданных законом «разрешений», что организуется при помощи отрицательных конструкций: *Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность* // *Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом* // *Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей...* Данный тип высказываний реализуется реже. Важно, что сами эти обязанности в Конституции не представлены – это также соответствует ее дискурсивно-жанровой направленности на защиту свободы гражданина, а не на ее ограничение.

Итак, большинство высказываний долженствования и абсолютное большинство запретительных высказываний в Конституции описывают обязанности официальных инстанций по охране свобод гражданина (*Признание, соблюдение и защита прав и свобод*

человека и гражданина – *обязанность государства*) и запрет на внешние ограничения свобод гражданина (*В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина* // *Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них* // *Принудительный труд запрещен*), т.е. представляют свободу как *отсутствие конкретных ограничений в его волеизъявлении*, что составляет «антивектор» реализации разрешительного субмодуса императивного модуса при формировании смысла.

Значимо, что все ограничения прав и свобод интерпретируются *этически*: *Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства*.

Превалирование разрешительного субмодуса, реализуемого в высказываниях, описывающих возможности рядового гражданина, на фоне обращенности запретительных высказываний и высказываний долженствования к внешним официальным инстанциям способствует реализации особой интенции Конституции как правового документа, обеспечивающего защиту граждан со стороны закона и создающего его позитивное восприятие.

Совокупность разрешительных, запретительных высказываний и высказываний долженствования, составляющих исследуемый текст, позволяет представить идеальные образы гражданина и государства, формируемые в дискурсивно-жанровой картине мира, реализуемой в тексте Конституции. В основе этих образов лежит соблюдение границ свободы, задаваемых законом.

Таким образом, концепт *свобода* получает в правовой документной коммуникации дискурсообразующий статус. Специфика реализации концепта *свобода* в Конституции определяется ядерным статусом названного жанра в системе правового дискурса в целом и дискурса правового документа в частности. В результате диктумная специфика Конституции предполагает реализацию исследуемого концепта в значимом перечне позитивных и негативных социальных действий и состояний, что является результатом реализации модуса правовой оценки. В исследуемом тексте реализуется как базовый модус правового дискурса – модус правовой оценки, так и базовый модус дискурса документа – модус официальности, определяющий равенство всех граждан перед законом (объективность) и обязательность его исполнения (императивность).

Императивность как один из аспектов модуса официальности в текстах Конституции оформляется в виде разрешительного, запретительного субмодусов и субмодуса долженствования.

При этом особое влияние на реализацию исследуемого концепта оказывает жанровая специфика исследованного текста. Конституция, выступая как основной жанр правового документа и правового дис-

курса в целом, направлена на реализацию государственной правовой идеологии и предназначена для позитивного восприятия всеми гражданами государства, в связи с чем запретительный субмодус проявляется в ней редко, а исследуемый концепт вербализуется при активизации стилистического пафоса.

Свобода в дискурсе правового документа – зафиксированная правовым документом возможность совершения конкретного действия гражданином или

государственным органом, причем применительно к последнему свобода в основном реализуется в варианте «несвобода». Возможность использовать заданные законом разрешения («получать свободу») дается гражданину при условии следования закону, а значит, ограничивать возможности своего поведения, что отличает дискурсивно обусловленное содержание правового концепта *свобода* от его содержания в русской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардашева Т.Г. Лингвокогнитивный анализ концепта «Свобода» (на материале русского, английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012. 21 с.
2. Базылев В.Н. Обособленные концепты русской культуры: свобода-воля // Филология и культура : материалы III междунар. науч. конф. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. Ч. 3. С. 125–126.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки славянской культуры, 1997. 577 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. Егорова О.С., Кириллова О.А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник, 2012. № 4. С. 161–167.
6. Кириллова О.А. Языковая репрезентация лингвокультурного концепта «свобода» в медиа-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 20 с.
7. Лисицын А.Г. Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 17 с.
8. Петровых Н.М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 207–217.
9. Солохина А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 28 с.
10. Солохина А.С. Свобода // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 222–246.
11. Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира (на материале художественных текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 193 с.
12. Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 315 с.
13. Бабенко А.Н. Правовая социализация как процесс освоения правовых ценностей // Государство и право. 2005. № 2. С. 104–106.
14. Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М. : Индрик, 2003. С. 73–99.
15. Катаева Н.М. Русский концепт воля: от словаря к тексту : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 21 с.
16. Резанова З.И. Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
17. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 539 с.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : УРСС, 2001. 416 с.
19. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. С. 53–87.
20. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–100.
21. Дейк Тен А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М., 2013. 344 с.
22. Ардашева Т.Г., Мерзлякова А.Х. Вербализация концепта свобода в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2011. № 2. С. 13–18.
23. Атабекова А.А., Удина Н.Н. Проблемы реформирования правового дискурса: преодоление трудностей понимания юридического текста // Вестник МГЛУ. 2010. № 27 (606). С. 113–120.
24. Богатырев А.В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
25. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд-во; АО Норма-плюс, 1997. 176 с.
26. Косоногова О.В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. М. : Моск. гуманитар. ун-т, 2008. № 2. С. 188–192.
27. Чернышев А.В. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.ру: Балтийский акцент, 2016. № 2. С. 22–28.
28. Басенко Г.В. Идеологическая маркированность речевого штампа в текстах Конституций России и Германии: прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 22 с.
29. Крутихина Т.Е., Юнзель К.Ю. О некоторых стилевых особенностях текста Конституции (на примере текста Конституции ФРГ) // Иностранные языки в контексте культуры : межвуз. сб. ст. по материалам конф. Пермь, 2011. С. 59–62.
30. Шарикова Л.А., Гейер В.Ю. Особенности юридического мышления через специфику правового дискурса и языка // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2008. № 1. С. 96–103.
31. Русакова А.В. Лингвистическая модель двуязычного электронного текстоориентированного словаря юридических терминов (на материале Конституции Российской Федерации, Конституции Французской Республики и конвенции о защите Прав человека и основных свобод) : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 198 с.
32. Цзюмин Л. Лингвистические характеристики законодательного текста (на примере Конституции Российской Федерации) // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых 21–23 мая 2014. Ч. 2. Томск, 2014. С. 240–244.
33. Широбокова Л.П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования на примере немецкого и русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
34. Лоскутова К.Н. и др. Язык права в политической лингвистике (тексты Советских Конституций 1918 и 1936 годов) // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 217–222.
35. Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/sh10.html> (дата обращения: 01.06.2018).
36. Шемберова А.Н. Структурно-содержательные особенности текстов Конституций Германии (в диахронии) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 2. С. 221–227.
37. Борисова Л.А. Сравнительный анализ переводов Конституции Российской Федерации на английский язык // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация 2015. № 2. С. 83–88.

38. Сазонова В.Е. Жанрово-стилистическая специфика текста Конституции США и ее перевод на русский язык. 2016. URL: <http://lib.nsu.ru:8081/xmlui/handle/nsu/10667> (дата обращения: 01.06.2018).
39. Кожемякин Е.А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2009. 39 с.
40. Храмцова Н.Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 1. С. 167–173.
41. Храмцова Н.Г. Манипулятивные характеристики правового дискурса в процессе политико-правовой коммуникации (на примере предвыборной кампании в Курганской области) // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57). С. 62–66.
42. Храмцова Н.Г. Концепты «Закон» и «Субъект права» в правовом дискурсе // Общество и право. 2007. № 4 (18). С. 27–32.
43. Храмцова Н.Г. Интерпретативная функция правового дискурса // Общество: политика, экономика, право. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretativnaya-funktsiya-pravovogo-diskursa> (дата обращения: 03.02.2019).
44. Храмцова Н.Г. Правовое мышление и язык права, объективные основания правового дискурса // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 54–58.
45. Храмцова Н.Г. Комплексный дискурсивный анализ правового дискурса // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 59–62.
46. Храмцова Н.Г. Правовой дискурс в теории права // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 1. С. 80–84.
47. Храмцова Н.Г. Правовой дискурс и дискурсивность права // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 57–61.
48. Храмцова Н.Г. Опыт применения дискурс-правового анализа к некоторым важнейшим положениям Конституции Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-primeneniya-diskurs-pravovogo-analiza-k-nekotorym-vazhneyshim-polozheniyam-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.02.2019).
49. Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Курган, 2012. 180 с.
50. Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009. 400 с.
51. Максимов С.И. Концепция правовой реальности // Постклассическая онтология права. СПб., 2016. С. 23–55.
52. Ильин Ю.В., Смирнова И.Ю. Обыденные концепты «good», «bad» как точки роста ментальной области права и суда // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 66–71.
53. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
54. Конституция Российской Федерации . URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 17.05.2019).
55. Семейный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 17.05.2019).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 ноября 2019 г.

Specifics of Interpretation of Freedom in the Constitution as a Nuclear Genre of Legal Document Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, 28–38.

DOI: 10.17223/15617793/452/3

Maria A. Nazemtseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Keywords: concept *freedom*; Russian linguistic world-image; legal document discourse; genre of Constitution; dictum and modus of discourse.

The aim and objectives of the article are to identify the specifics of implementation of the concept *freedom* determined by the modus-dictum organization of legal discourse and the specifics of the Constitution as its nuclear genre. The study is carried out on the basis of a discursive linguistic world-image, which constitutes and dynamically develops a national-cultural concept. The discursive linguistic world-image is formed by selection of special concepts and their special interpretation based on the purpose of a discourse and the system of values transmitted by it. During the study, the author examined the dictum and modus of a legal document—the Constitution of the Russian Federation. The conclusions of the study are the following. The concept *freedom* receives a discourse-forming status in legal documentary communication. The specifics of its implementation in the Constitution are determined by the nuclear status of this genre in the system of legal discourse in general and legal document discourse in particular. As a result, the dictum specificity of the Constitution suggests implementation of the concept under study in a significant list of positive and negative social actions and conditions, which is the result of a legal assessment modus. The Constitution implements both the basic modus of legal discourse, that of legal assessment, and the basic modus of document discourse, that of formality. The modus of formality determines equality of all citizens before the law (objectivity) and the obligatory nature of it (imperativeness). Imperativeness as one of the aspects of the modus of officiality in the texts of the Constitution is formed by permissive, prohibitive submodi and the submodus of obligation. At the same time, genre specificity has a special influence on the implementation of the concept under study. The Constitution as the main genre of legal document discourse (and legal discourse on the whole) aims to realize state legal ideology and is designed for a positive perception by all citizens of the country. In connection with this, the prohibitive submodus is rarely manifested in it, and the concept *freedom* is verbalized with an activation of stylistic pathos. Freedom in legal document discourse is a possibility of a specific action by a citizen or a state body which is fixed by a legal document. With respect to the state body, freedom is mainly activated in the “unfreedom” version. The possibility to use permissions specified by law (“to receive freedom”) is given to citizens that abide by the law, which means that they should limit the possibilities of their behavior. That is what distinguishes the discursively determined content of the concept *freedom* in legal discourse from its content in the Russian linguistic world-image.

REFERENCES

1. Ardasheva, T.G. (2012) *Lingvokognitivnyy analiz kontsepta “Svoboda” (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Linguocognitive Analysis of the Concept “Freedom” (Based on Russian, English and French)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
2. Bazylev, V.N. (2001) *Obosoblennyye kontsepty russkoy kul'tury: svoboda-volya* [Separate Concepts of Russian Culture: Freedom-Will]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. Proceedings of the 3rd International Conference. Pt. 3. Tambov: Tambov State University. pp. 125–126.
3. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Their Key Words]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Egorova, O.S. & Kirillova, O.A. (2012) “Freedom” and “Will” as Key Concepts of Russian Culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslav Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 161–167. (In Russian).

6. Kirillova, O.A. (2010) *Yazykovaya reprezentatsiya lingvokul'turnogo kontsepta "svoboda" v media-diskurse* [Linguistic Representation of the Linguistic-Cultural Concept "Freedom" in Media Discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl.
7. Lisitsyn, A.G. (1996) *Analiz kontsepta svoboda-volya-vol'nost' v russkom yazyke* [Analysis of the Concept of Freedom–Will–Liberty in Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
8. Petrovykh, N.M. (2002) Kontsepty volya i svoboda v russkom yazykovom soznanii [The Concepts of Will and Freedom in the Russian Linguistic Consciousness]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 24. pp. 207–217.
9. Solokhina, A.S. (2004) *Kontsept "svoboda" v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* [The Concept "Freedom" in the English and Russian Linguistic Cultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
10. Solokhina, A.S. (2005) Svoboda [Freedom]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 222–246.
11. Shcheboleva, I.B. (2008) *Funktsionirovanie i razvitie kontseptov svoboda, vlast' i vyzov v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale khudozhestvennykh tekstov)* [The Functioning and Development of the Concepts of Freedom, Power and Challenge in the Russian Language Picture of the World (Based on Material From Fiction)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
12. Shabanova, M.A. (2000) *Sotsiologiya svobody: transformiruyushcheesya obshchestvo* [The Sociology of Freedom: A Transforming Society]. Moscow: Mosk. obshchestv. nauch. fond.
13. Babenko, A.N. (2005) Pravovaya sotsializatsiya kak protsess osvoeniya pravovykh tsennostey [Legal Socialization as a Process of Learning Legal Values]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 104–106.
14. Arutyunova, N.D. (2003) Volya i svoboda [Will and Freedom]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Kosmos i khaos: Kontseptual'nye polya poriyadka i besporiyadka* [Logical Analysis of Language. Cosmos and Chaos: Conceptual Fields of Order and Disorder]. Moscow: Indrik. pp. 73–99.
15. Kataeva, N.M. (2004) *Russkiy kontsept volya: ot slovary k tekstu* [The Russian Concept of Will: From Dictionary to Text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
16. Rezanova, Z.I. (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Images of the Russian World: Modern Media Discourse]. Tomsk: ID SK-S.
17. Tubalova, I.V. (2015) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic Text in Oral Personality-Oriented Discourses]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
18. Bally, Ch. (2001) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Issues of the French Language]. Translated from French. Moscow: URSS.
19. Vinogradov, V.V. (1975) *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies in Russian Grammar]. Moscow: Nauka. pp. 53–87.
20. Shmeleva, T.V. (1984) Smyslovaya organizatsiya predlozheniya i problema modal'nosti [The Semantic Organization of Sentences and the Problem of Modality]. In: Gorshkova, K.V. & Klobukov, E.V. (eds) *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa* [Topical Problems of Russian Syntax]. Moscow: Moscow State University. pp. 78–100.
21. van. Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Dominance in Language and Communication]. Translated from English. M: LIBROKOM.
22. Ardasheva, T.G. & Merzlyakova, A.Kh. (2011) Verbalization of the Concept Freedom in Law Texts. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2. pp. 13–18. (In Russian).
23. Atabekova, A.A. & Uchina, N.N. (2010) Reforming Legal Discourse: Linguistic and Cognitive Aspect. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 27 (606). pp. 113–120. (In Russian).
24. Bogatyrev, A.V. (2016). *Funktsionirovanie figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse* [The Functioning of the Figures of Intertext in Modern Legal Discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
25. Vlasenko, N.A. (1997) *Yazyk prava* [The Language of Law]. Irkutsk: Vost.-sib. kn. izd-vo; AO Norma-plyus.
26. Kosonogova, O.V. (2008) Yuridicheskiy diskurs: lingvopragmatika imeni sobstvennogo [Legal Discourse: Linguistic Pragmatics of the Proper Name]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 188–192.
27. Chernyshev, A.V. (2016) Legal Discourse and Its Main Characteristics. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent – Slovo.Ru: Baltic Accent*. 2. pp. 22–28. (In Russian).
28. Basenko, G.V. (2011) *Ideologicheskaya markirovannost' rechevogo shtampa v tekstakh Konstitutsiy Rossii i Germanii: pragmalingvisticheskiy aspekt* [The Ideological Marking of the Speech Cliche in the Texts of the Constitutions of Russia and Germany: A Pragmalinguistic Aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
29. Krutikhina, T.E. & Yunzel', K.Yu. (2011) [On Some Stylistic Features of the Text of the Constitution (On the Example of the Text of the Constitution of the Federal Republic of Germany)]. *Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury* [Foreign Languages in the Context of Culture]. Conference Proceedings. Perm: Perm State University. pp. 59–62. (In Russian).
30. Sharikova, L.A. & Geyer, V.Yu. (2008) Osobennosti yuridicheskogo myshleniya cherez spetsifiku pravovogo diskursa i yazyka [Features of Legal Thinking Through the Specifics of Legal Discourse and Language]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 1. pp. 96–103.
31. Rusakova, A.V. (2008) *Lingvisticheskaya model' dvuyazychnogo elektronnoy tekstoorientirovannogo slovary yuridicheskikh terminov (na materiale Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii, Konstitutsii Frantsuzskoy Respubliki i konventsii o zashchite Prav cheloveka i osnovnykh svobod)* [Linguistic Model of a Bilingual Electronic Text-Based Dictionary of Legal Terms (Based on the Material of the Constitution of the Russian Federation, the Constitution of the French Republic and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms)]. Philology Cand. Diss. Tyumen.
32. Tszyumin, L. (2014) [Linguistic Characteristics of the Legislative Text (On the Example of the Constitution of the Russian Federation)]. *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury* [Communicative Aspects of Language and Culture]. Proceedings of the 14th International Conference. Tomsk. 21–23 May 2014. Pt. 2. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 240–244. (In Russian).
33. Shirobokova, L.P. (2007) *Yuridicheskie teksty: opyt grammatiko-tipologicheskogo issledovaniya na primere nemetskogo i russkogo yazyka* [Legal Texts: The Experience of Grammatical and Typological Research on the Example of German and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
34. Loskutova, K.N. et al. (2011) Language of Law in Political Linguistics (Texts of the Soviet Constitutions 1918 and 1936). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 217–222. (In Russian).
35. Schmid, U. (2009) Konstitutsiya kak priem (ritoricheskie i zhanrovye osobennosti osnovnykh zakonov SSSR i Rossii) [Constitution as a Technique (Rhetorical and Genre Features of the Basic Laws of the USSR and Russia)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 6. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/sh10.html>. (Accessed: 01.06.2018).
36. Shemberova, A.N. (2011) Structure and Content Peculiarities of German Constitutional Texts (In Diachrony). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2. pp. 221–227. (In Russian).
37. Borisova, L.A. (2015) Sravnitel'nyy analiz perevodov Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii na angliyskiy yazyk [Comparative Analysis of Translations of the Constitution of the Russian Federation Into English]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2. pp. 83–88.

38. Sazonova, V.E. (2016) *Zhanrovo-stilisticheskaya spetsifika teksta Konstitutsii SShA i ee perevod na russkiy yazyk* [Genre-Stylistic Specifics of the Text of the US Constitution and Its Translation Into Russian]. [Online] Available from: <http://lib.nsu.ru:8081/xmlui/handle/nsu/10667>. (Accessed: 01.06.2018).
39. Kozhemyakin, E.A. (2009) *Kontseptual'no-metodologicheskoe obosnovanie diskursnoy formy bytiya kul'tury* [Conceptual and Methodological Substantiation of the Discourse Form of Cultural Life]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Belgorod.
40. Khramtsova, N.G. (2006) Osobennosti pravovogo diskursa kak sistemy pravovoy kommunikatsii [Features of Legal Discourse as a System of Legal Communication]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 1. pp. 167–173.
41. Khramtsova, N.G. (2006) Manipulative Characteristics of a Legal Discourse During the Political-Legal Communications (On an Example of Pre-Election Campaign in Kurgan Area. *Vestnik YuUrGU. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"*. 2 (57). pp. 62–66. (In Russian).
42. Khramtsova, N.G. (2007) The Concepts "Law" and "Subject of Law" in Legal Discourse. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 4 (18). pp. 27–32.
43. Khramtsova, N.G. (2008) Interpretativnaya funktsiya pravovogo diskursa [The Interpretative Function of Legal Discourse]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretativnaya-funktsiya-pravovogo-diskursa>. (Accessed: 03.02.2019).
44. Khramtsova, N.G. (2009) Pravovoe myshlenie i yazyk prava, ob"ektivnye osnovaniya pravovogo diskursa [Legal Thinking and the Language of Law, Objective Grounds for Legal Discourse]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 1. pp. 54–58.
45. Khramtsova, N.G. (2009) Kompleksnyy diskursivnyy analiz pravovogo diskursa [A Complex Discourse Analysis of Legal Discourse]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 1. pp. 59–62.
46. Khramtsova, N.G. (2009) Pravovoy diskurs v teorii prava [Legal Discourse in the Theory of Law]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 80–84.
47. Khramtsova, N.G. (2009) Legal Discourse and Discursiveness of the Law. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 57–61. (In Russian).
48. Khramtsova, N.G. (2013) Experience of Legal Discourse Analysis Application to Some Major Regulations of the Constitution of the Russian Federation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-primeneniya-diskurs-pravovogo-analiza-k-nekotorym-vazhneyshim-polozheniyam-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii>. (Accessed: 03.02.2019).
49. Khramtsova, N.G. (2012) *Diskurs-pravovoy analiz: ot teorii k praktike primeneniya* [Discourse-Legal Analysis: From Theory to Application]. Kurgan: Kurgan State University.
50. Sologub, O.P. (2009) *Sovremennyy russkiy ofitsial'no-delovoy tekst: funktsional'no-geneticheskiy aspekt* [Modern Russian Official Business Text: A Functional Genetic Aspect]. Philology Dr. Diss. Kemerovo.
51. Maksimov, S.I. (2016) Kontseptsiya pravovoy real'nosti [The Concept of Legal Reality]. In: Chestnov, I.L. (ed.) *Postklassicheskaya ontologiya prava* [Postclassical Ontology of Law]. St. Petersburg: Aletyya. pp. 23–55.
52. Il'in, Yu.V. & Smirnova, I.Yu. (2017) Customary Concepts "Good", "Bad" as Points of Growth of the Mental Field of Law and Trial. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3 (39). pp. 66–71. (In Russian).
53. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.
54. *Constitution of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://www.constitution.ru/>. (Accessed: 17.05.2019). (In Russian).
55. Consultant.ru. (2019) *Family Code of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. (Accessed: 17.05.2019). (In Russian).

Received: 18 November 2019